



ИНОЙ ЛЕС.  
КНИГА ВТОРАЯ.  
ЦЕНА РАВНОВЕСИЯ

ДМИТРИЙ АРТЮХОВ

Дмитрий Артюхов

**Иной Лес. Книга  
вторая. Цена Равновесия**

«Автор»

2026

**Артюхов Д. В.**

Иной Лес. Книга вторая. Цена Равновесия / Д. В. Артюхов —  
«Автор», 2026

Купол Щита, что защищал Березовый Бор с момента пробуждения Мирового Древа, рушится. Первородная пустота, не знающая усталости и жалости, наносит свой решающий удар, и мир балансирует на грани небытия. Когда надежда гаснет, вчерашние враги — северяне и кочевники — вынуждены забыть о вековой вражде и объединиться перед лицом надвигающейся Тишины. Но даже союза воинов недостаточно, чтобы остановить Тьму. Цена спасения Яви оказывается страшной, а её плата — безвозвратной. Сумеют ли те, кто выстоял в этой сече, удержать хрупкое равновесие, когда цена победы — это судьба всего мира?

© Артюхов Д. В., 2026

© Автор, 2026

## Дмитрий Артюхов

# Иной Лес. Книга вторая. Цена Равновесия

### Глава 1. Жёлтая Мгла и Чёрный Лёд

Тонкая кожа девичьей руки коснулась грубых, стёртых поводьями пальцев. В тот самый миг, когда на озарённой багровой луной поляне сошлись две девы — дитя первозданной Тишины и кровь южного князя, — мироздание дрогнуло.

То был не гром. Глухой, нутряной скрежет, с каким неподъёмный мельничный жёрнов срывается с мёртвой точки. Древний Зарок дал трещину. Стужа северной Нави и мёртвый песок южных пустошей почуяли искру.

Петля затянулась. Время вышло.

---

Над Березовым Бором висела душная, ядовитая хмарь. Небо цвета позеленевшей меди давило на соломенные крыши изб, выжимая из людей последние капли пота. Воздух сделался густым, тяжелым, оседающим на губах горькой гарью — верным предвестником большой крови. Солнце скрылось. Вместо него сквозь тучи проступало мутное белесое пятно, словно бельмо на глазу слепца.

Борислав стоял посреди двора. Вождь рода Медведя казался высеченным из морёного дуба — кряжистый, седой, неподвижный. Его тяжёлый взгляд исподлобья словно пригибал к земле суесящихся мужей.

— Слеги к восточному тыну! — хриплый глас старейшины резал тягучую духоту. — Воду в кадушках ставьте ближе, потом не набегаешься! Жён и чад — в клетки, в подклеты! Наглухо! Коли кто без моего слова засов-плаху скинет — сам башку сверну!

Мужики не роптали. Они вбивали клинья, тащили камни на помосты, раздували угли под чугунными котлами. Никто не причитал. Привычка выживать въелась в эту землю глубже корней. Звон пил и тяжелые удары плотницких топоров сливались в единый набат.

Сбоку подошёл Всеволод. Вождь Волков зло сплюнул под сапог. Лицо его, исполосованное старыми шрамами, окаменело.

— Худо дело, Борислав, — прорычал он, кивая на кромку Иного Леса. — Дремучий, а молчит. Ни ворона, ни белки.словно вся чаща разом вымерла.

— Знаю. Стрибога баяла, — Борислав не отвёл взора от густой мути за частоколом. — Скверна у порога. Наша доля ныне — не в поле сечься, а костями лечь, дабы тын удержать. Выстоять.

— Выстоять? — Всеволод криво, зло осклабился. Пальцы до хруста впились в кожаную оплётку рукояти меча. — Вверили удел мира девке-духу да щенку приبلудному. Оборотни на свою межу ушли, ведунья по лесам шатается. А мы тут, как овцы в загоне. Щит из лучины супротив железного тесака.

Борислав медленно повернул голову. Очи старого медведя потемнели.

— То не дети, Всеволод. То искра последняя. Иной у нас нет. Али запомнил, какую весть дозорные принесли? Что за твари там, за Межей, бродят?

Всеволод смолк. Он помнил. И потому стоял здесь, плечом к плечу с вечным соперником.

Сумерки упали резко, словно наброшенная на очи дерюга. На смотровых вежах застыли лучники с ясеновыми луками. Ратники крепче сжали древки рогатин и боевых секир. Внутри посада, в тёмных подклетах, жёны беззвучно шептали требы Перуну да Велесу.

И тут Лес выдохнул.

Сначала накатило шорох. Множество тяжёлых, крадущихся шагов, сминающих сухую хвою. Мужики на стенах подобрались, натягивая тетивы.

Из густого мрака из-под еловых лап шагнули огромные фигуры. На полголовы выше самого рослого ратника. Покрытые густой серой шерстью, испещрённой белёсыми шрамами. Жёлтые и зелёные очи вспыхнули во тьме, как болотные огоньки. Оборотни Засеки.

Впереди, тяжело опираясь на плечо молодого рыся-оборотня, шёл Волкомир. Вожак припал на заднюю лапу, но его звериная стать не утратила грозной мощи. Оборотни не переступили черту посада. Они молча, без единого рыка, выстроились живой стеной пред частоколом. Спинами к людям. Мордами к чащобе.

Борислав встретился взглядом с Волкомиром. Короткий кивок. Люди — за стеной. Оборотни — перед ней. Последний рубеж. Последний живой заслон.

Тишина лопнула.

Из глубины чащи поднялся гул. Низкий, тянущий жилы звук, будто под землёй заворочался исполинский каменный червь. Твердь под ногами гулко задрожала.

Хлынула первая волна.

Они не бежали — они текли. Смеси. Изувеченная плоть из синего льда и чёрного, спёкшегося песка. Впереди, вспахивая землю, ползли панцирные твари с ледяными наростами вместо щитов. За ними, ковыляя, двигались двуногие выродки, чьи конечности оканчивались острыми ледяными шипами.

— Бей в сочленения! — рявкнул Всеволод, взмахивая мечом. — Лёд держит, песок крошится!

Со стен сорвался рой стрел. Свист. Глухие удары. Большинство гранёных железных накопечников с жалким треском отскакивало от мёртвых панцирей. Там, где сталь находила узкую щель меж льдом и песком, тварь начинала осыпаться зыбучим прахом. Но их было слишком много.

Оборотни приняли удар молча. Волкомир шагнул вперёд. Огромная лапа с чёрными, как смоль, когтями обрушилась на ледяной щит передней твари. Лёд брызнул крошечками. Когти вожака ушли глубоко в песчаную глотку. Короткий, безжалостный рывок. Выродок издал шипящий, скрежещущий звук и осыпался прахом.

Строй Стражей пришёл в движение. Они работали тройками. Молодой оборотень взвился в воздух, обрушиваясь на спину двуногого смеска, вырывая клыками куски морозной плоти. Двое других подсекали тварь снизу, дробя суставы.

Но Скверна не ведала страха. Твари ползли по осыпающимся останкам своих же. Задние ряды выродков, похожие на бесформенных слизней, сжались. Воздух со свистом вырвался из их щелей, и в частокол ударили тугие струи губительного чёрного песка.

Дубовые брёвна зашипели. Древесина на глазах чернела, истончалась, рассыпаясь в мёртвую труху.

— Смолу! Вари их, Перунова мать! — заорал Борислав.

Мужи опрокинули котлы. Кипящие водопады рухнули на наступающую орду. Воздух пошёл рябью от нестерпимого жара, с шипением испаряя талый лёд. Объятые пламенем твари метались, но задние ряды бездушно топтали их, неумолимо продвигаясь к брешам.

У восточной стены земля гулко ухнула. Там, где Весея по слову Стрибоги укрыла в земле семя, взметнулся серебристый свет. Древо-Хранитель, вымахавшее в исполина, раскинуло сияющую паутину ветвей. Твари, сунувшиеся в пролом, с шипением отскакивали от барьера, их панцири покрывались трещинами.

Но Скверна училась.

Выродки отхлынули. Несколько панцирных гадов с костяными буравами вместо рук вгрызлись в землю. Они рыли подкоп, целясь в самые корни Щита.

На веже стоял Ставор — седой лучник из рода Оленя. Спина сгорблена, но натруженные руки тянули тетиву без дрожи. Стрела за стрелой уходила во тьму. Он узрел тварь, что глубже всех зарылась в глину у самого основания светового купола.

— Под стену! Копают! — крикнул старик. Глас потонул в лязге сечи.

Ставор отшвырнул лук. Выхватил короткое копьё-дротик и торопливо спустился по деревянным сходням во двор, тяжело припадая на больную ногу. Хромая, он бросился к пролому. Не успел.

Из густой тени метнулась юркая, приземистая тварь. Хвост, увенчанный жалом из чёрного льда, взвился дугой. Ставор дёрнулся уйти в сторону, но хворая нога подвела.

Остриё вошло под ребро. Неотвратимо. С влажным хрустом.

Старик не вскрикнул. Рухнул навзничь. Над ним плыло пожелтевшее, болезненное небо. Вязкий, чужой холод пополз по венам, вымораживая нутро. Он попытался приподняться, но тварь уже выдернула шип и поползла дальше, забыв о нём.

Рядом с лицом Ставора, у самого края утоптанной земли, зеленела крошечная былинка. Упрямая. Живая. Старик вперился в неё мутным взором. Вспомнилось золотое тепло нагретой солнцем ржи. Звонкий смех дочери.

Тело обмякло. Очи остекленели.

Мальчишка-оборвыш с охапкой камней застыл над телом. Он не заплакал. Детское лицо окаменело. Отрок сжал булыжник побелевшими пальцами и с яростным, немим воплем швырнул его в отползающую тварь.

Камень сухо щёлкнул по ледяному наросту. Жалкий стук. Ни царапины.

Но этот звук сорвал оцепенение.

Десятник взревел диким басом. Копьё в его дланях метнулось вниз, вгоня кованый наколеник в сочленение ледяных пластин. Тварь зашипела, обдав ясеневого древко едкой струёй. Дерево мигом истлело в руках воина. Ратник отбросил труху, выхватил из-за пояса узкий боевой нож и кинулся в сечу.

Земля у восточного тына застонала. Твари-буравы рвали корни Древа. Серебристая паутина мерцала, истончаясь на глазах. Частокол с протяжным треском накренился. Из ямы, выплёвывая мёрзлую глину, вырвалась панцирная гадина. Острые челюсти лязгнули у самого лица молодого ратника.

Борислав возник из дыма. Тяжёлая секира описала смертоносный полукруг, врубаясь в рыхлую песчаную шею смеска. Фонтан обжигающей сизой жижи брызнул на кольчугу вождя. Он не отшатнулся. С силой рванул топорщице на себя.

— Коля! Бейте в пролом колями! — харкая гарью, заорал старейшина рода Медведя.

Всеволод оказался по левую руку. Меч и боевой топор плясали в его дланях, отсекая ледяные наросты.

— Держат! — рыкнул вождь Волков, уворачиваясь от когтей. — Но сия скверна жрёт железо!

Лезвие меча потемнело. Металл сделался хрупким, как слюда. Очередной удар — и клинок со звоном разлетелся надвое. Всеволод с глухим проклятием всадил зазубренный обломок в щель панциря твари и перехватил покрепче топорщице.

За частоколом оборотни сдавали пядь за пядью. Волкомир стоял по колено в чёрном крошewe. Светогор, молодой рысь-оборотень, принял грудью ледяной шип. Не издав ни звука, он обхватил тварь мёртвой хваткой и покатился с ней под ноги наступающей орде, ломая их строй ценою собственной жизни.

У самых корней сияющего исполина на сырой земле сидела Весея.

Мир вокруг рушился, но вдова не зрела сечи. Её натруженные руки судорожно обнимали ствол. Дерево билось мелкой дрожью. Весея нутром чужала эту муку. Серебряные листья чернели, сворачивались в сухие трубки. Защитный купол над посадом тускнел. Каждый перерубленный скверной корень отдавался в теле женщины жгучей болью. И болело не Дерево. То слабея её Дарина, теряя силы где-то далеко, на мертвых тропах.

— Нет... — горячечно шептала мать. — Не отдам.

Она выхватила из-за пояса старый костяной серп для трав. Острые тускло блеснуло в отсветах пламени. Весея не колебалась. Закон Иного Леса требовал платы: ничто не даётся даром.

Лезвие глубоко резануло по левой ладони. От запястья до самых пальцев. Горячая алая струя хлынула на бледную кору, стекая к истерзанным корням.

— Пей, доченька, — хрипела Весея, намертво прижимая окровавленную ладонь к стволу. — Пей мою кровь. Годы мои бери. Держи Щит!

Древо содрогнулось. Кровь не коснулась земли — живая кора жадно впитала её до последней капли. На стволе вспыхнул багровый, бьющийся словно сердце узел. Свет купола мгновенно переменился. Серебро налилось тяжёлым, гневным багрянцем — цветом раскалённого кузнечного горна.

Ветви, стягивавшие пролом, набрякли жилами. С оглушительным треском они метнулись вперёд. Живое дерево, напитанное жертвенной материнской кровью, прошивало панцири насквозь. Корни вздыбились из-под земли, оплетая роющих выроdkов мёртвой хваткой, растирая их в серую пыль. Гибельная стужа захлёбывалась в ярости горячей крови.

Борислав, едва устояв на ногах от хлестнувшей волны силы, обернулся. Весея сидела у корней, бледная как полотно, но живая. Из-под коры выскользнули тонкие, светящиеся серебром нити-корешки, туго оплетая её запястье. Исконный Лес умел хранить своих. В обмен на кровь Древо гнало по остывающим жилам женщины свой густой, живительный сок, как издавна делало это для оборотней-стражей. Мать поила Щит, Щит поддерживал жизнь матери. Нерушимый союз.

Весея дышала тяжело, с закрытыми очами, но сердце её билось ровно. Щит над Березовым Бором выстоял. Багровый. Непроницаемый.

Наступило затишье. Не победа — лишь краткая отсрочка.

Уцелевшие смески отползали во мрак, сливаясь с тенями. Волкомир и выжившие оборотни тяжело осели у частокола, их хриплое дыхание рвало ночную тишь.

Во дворе посадка заливали огонь. Густо шипела вода на углях. Кто-то глухо стонал в темноте. Мальчишка-оборвыш молча тащил глиняную корчагу с водой, оставляя на земле мокрые следы.

Борислав грузно опустился на колено перед телом Ставора. Шершавой дланью закрыл павшему лучнику остекленевшие очи. Рядом замер Всеволод, сжимая почерневший топорик.

— Отбились, — хрипло выдохнул вождь Волков.

— Удержались, — поправил Борислав, с трудом разгибая спину. Он посмотрел на пылающий багрянцем купол. — Сие лишь первая волна. Сухоко́ст прощупал броню. В следующий раз пошлёт тех, кто бьёт наверняка.

Борислав обернулся к измождённым, покрытым копотью ратникам.

— Останки скверны — в огонь! Жечь дотла. Раненых несите к знахаркам. Заколачивайте пролом. К рассвету чтоб новый частокол стоял, хоть из собственных костей его сложите.

Вождь не сулил скорой победы. Северяне верили не в пустые речи, а в толщину дубового бревна да тяжесть боевого топора. Больная жёлтая мгла над лесом не рассеялась. Ветер всё так же нёс горький пепел.

Где-то далеко на востоке, за запретными рубежами, вёл остатки рати Ратибор. Где-то на юге, продираясь сквозь топи, шли друг к другу Милана и Вежана. А здесь, на северной Меже, суровые мужи утирали грязь с лиц и брались за плотницкие топоры.

Время, отпущенное им, таяло с каждой каплей жизненных сил, отданных корням багрового Древа. Тяжёлая тишина пред новым штурмом сомкнулась над посадом, словно могильная плита.

## Глава 2. Рождение Бездны-на-Ладони

Где-то далеко на севере, за гибельными топями и дремучими лесами, захлёбывалась кровью великая сеча. Сюда, на залитую стылым лунным светом поляну, не долетал ни лязг боевых топоров, ни предсмертный хрип ратников. Бескрайние вёрсты поглощали любые звуки.

Здесь царила тишина. Мёртвая, хрупкая, как первый осенний ледок на луже. Наступи — и хрустнет, утянет в тёмный омут. Лишь Вежана да Милана не ушами, а самой кровью чуяли, как на другом краю земли трещит и стонет Явь.

Две ватаги замерли друг напротив друга. Два осколка расколотого мира. С одного края — седой Гром, Ведарь, слившаяся с тенями Древяница да скоморох Радомир. С иного — Милана, старый Горислав, Сармата-кочевница да отрок Вадим. Пальцы воинов до белизны стиснули рукояти сабель и древки копий. Никто не верил никому. Воздух натянулся тетивой тугого деревянного лука.

И тут свершилось то, чего не ведал ни один закон Яви. Вежана и Милана, не сговариваясь, шагнули навстречу. Одновременно. Беззвучно.

Они шли по пожухлой траве, не сводя очей. Ступали медленно, страшась разрушить хрупкое напряжение сего мига. Гром вскинул тяжёлую длань, осаживая Ведаря. Горислав глухо рыкнул на своих, преграждая путь. Даже Храпок, матёрый лесной зверь, припал брюхом к земле и смолк — лишь серые уши нервно прядали. Никто не смел вздохнуть.

Вежана плыла тенью. Ветхая рубаха едва трепетала на ветру. Внутри Девы-Духа бушевал пожар — чужая мука хлынула в неё вешним паводком. Чёрный пепел разорённых посадок, сиротская тоска, липкий, леденящий страх. Она тонула в этом потоке, захлёбывалась им. Но сквозь кровавую муть чётко видела вторую. Бледный лик. Распахнутые очи, полные той же бури.

Они сходились, словно два берега одной реки, готовой вот-вот выйти из русла.

Милана чуяла, как со дна её нутра поднимается нечто древнее. Тот самый дар, спавший в княжьей крови. Дикая, неприрученная мощь ломала рёбра, просилась наружу. Девочка шла, сглатывая подступивший ком. А пред ней вырастало её собственное отражение из Иномирья. Дева с ликом лесного духа, в чьих зрачках стыла вечность. И этот взор стал для Миланы единственным якорем. В нём не было угрозы. Лишь бездонная глубина и понимание.

Они сошлись в самой сердцевине поляны. В двух шагах друг от дружки. Близко. Так, что различали каждую чёрточку на бледных лицах.

Милана тяжело подняла руку. Ладонь, стёртая жёсткими поводьями и покрытая степной пылью, раскрылась. Без ножа. Без угрозы.

Вежана смотрела широко распахнутыми очами. Сделала последний шаг.

Меньше пяди разделило их.

И твердь содрогнулась. Сила, спавшая доселе, вырвалась на волю. То не был взрыв или удар слепой молнии. То было рождение.

Воздух зазвенел бьющимся хрусталём. Звон перетёк в гул — низкий, утробный, тянущий жилы, идущий из-под земли и с самых небес разом. Лунный свет скривился, преломился, как в мутной слюде.

Там, где чуть не соприкоснулись их пальцы, вспыхнула точка. Чёрная, как волчья пасть. С крошечное просяное зёрнышко. Но в ней таилась такая первозданная тяжесть, что у воинов мигом спёрло дыхание.

Точка пошла в рост. Она не жгла — она пожирала саму суть вещей. Где ползла её незримая кромка, Явь просто меркла. Трава не тлела — она обращалась в серый прах, а после и прах исчезал без следа. Звуки ветра, шелест сучьев, сдавленное дыхание людей — всё втягивалось в эту воронку, бесследно утопая в немой пустоте.

Родилось чёрное семя. В три шага шириной. Идеальный круг абсолютного небытия. То была не темень ночи или печной сажи. То была первородная пустота, царившая до сотворения

тверди. Она пила лунный свет, делая ночь вокруг себя гуще дёгтя. Воздух по краям шёл мутной рябью, искажая лики дев, застывших в самом пекле сего чуда.

Радомир дёрнулся. Губы скомороха разошлись, но крик так и не родился. Утративший в Топях человеческое тепло, он чувствовал сию изнанку острее прочих — в его лишившихся веса костях застыл не просто животный страх, а холод грядущего Конца. Конец тверди, ветру, звуку.

Ведарь зрел иное. Дар эмпатии обнажил перед ним нити. Серебристые, багровые, золотые жилы судеб, пронизывающие поляну. И он видел, как эти жилы, касаясь чёрного круга, бледнели. Стирались. Не рвались с треском — просто исчезали, перемолотые в ничто. Судьбы всех, кто стоял на поляне, вытягивались, искажались, ползли к этой бездне. Кровь юноши заледенела.

Горислав рванулся вперёд. Кожаные сапоги вспахали дёрн. Но грудь упёрлась в незримую преграду. Старые жилы вздулись на шее — тщетно. Он заорал, зовя Милану. Но глас его, достигнув черноты, сделался комариным писком и сгинул в безмолвии.

Вадим вскинул сулицу, костяшки побелели на деревянном древке. Куда бить? В пустоту? В княжну? Отрок застыл, сломленный парализующим мороком.

Гром, до седины привыкший к дивам Иного Леса, лишь намертво стиснул топориче. Прищур старого Волка сузился. Бывалый гридень смекнул: тут железо не в помощь. То стихия, перед коей человек — лишь сор на ветру. Они здесь только свидетели.

А в самой сердцевине, на краю разверзшейся Бездны, стояли девы.

Их пальцы так и не сомкнулись. Пядь меж ними заполнила порождённая ими же пустота.

Милана осязала, как родовой страх утих. Сгорел, оставив лишь стылую, неподъёмную мощь. Она стала ключом, но не ведала, какие врата отворила. Вежана чувствовала, как чужая мука, грозившая смять её разум, утекает в чёрный омут. Дева возвращала себе себя, но цена сему — пудовая тяжесть, намертво придавившая её к земле.

Они стали двумя частями одного коловорота. Запущенный единожды, он не ведал обратного хода.

Девы не могли пошевелить и пальцем. Не могли отвести взор. Пленницы собственной силы, что спаяла их и рвала на части в единый миг. А чёрная брешь меж ними медленно, неотвратимо пухла, пожирая мир, пока из теней не шагнула та, чьё тело суждено было стать наковальней.

### Глава 3. Жертва Моста

Над поляной, затерянной в берёзовой глухомани, висла тишина. Не благодный покой засыпающего леса. И не стылая жуть погоста. То была тишина между занесённым топором и хрустом разрушенной кости. Натянутая струна. Лопнет — и хлестнёт по очам, выбивая свет.

Чёрное семя, проклюнувшееся меж дрожащих пальцев Вежаны и Миланы, пухло. Оно не издавало звуков, но отголосок его роста жрал саму явь. Трава под ним выплетала, становясь серым прахом, а после и прах исчезал, стёртый с полотна мироздания. Звуки далёких ветров вязли в этой воронке, обрываясь на полутоне.

Ведарь стоял на коленях, вцепившись пальцами в мох. Юноша зрел то, от чего мутился разум. Нити. Тончайшие жилы судеб, пронизывающие твердь, тянущиеся от каждого к каждому. Багровые, серебристые, золотые. Ныне эти жилы, коснувшись чёрной бреши, истончились и рвались. Беззвучно. Неотвратимо. Судьба Горислава, ярость Грома, тоска скомороха — всё вытягивалось в струну, готовое кануть в небытие.

Старый Горислав хрипел, силясь сделать шаг, разорвать незримые путы и выхватить княжну из-под жерновов. Кожаные сапоги скользили по росе. Мускулы бугрились под рваной кольчугой. Тщетно. Словно муравей бился в янтарную смолу. Гром, побелев до синевы в шрамах, лишь стискивал топориче. Бывалый сечевик ведал: железо тут — что былинка супротив урагана.

А в самой сердцевине морока застыли девы. Княжья кровь и дитя Тишины. Пленницы собственной, слепой мощи, спявшей их намертво.

В тени, за спинами оторопевших мужей, стояла Древяница. Её плоть, выточенная из тёмного дерева руками лесных духов, трещала. Раскол миров бил по ней страшнее секиры. Каждый вершок расширяющейся Бездны отзывался глубокой трещиной на её гладкой коре. Иссохшие пальцы намертво впились в дубовый посох. Она нутром чуяла, как там, за сотни вёрст на севере, её истинное тело — Древо-Хранитель — корчится под ударами Скверны.

Твари рыли подкоп. Ледяные когти рвали её корни. Дарина чувствовала, как жизнь уходит из неё по капле, как чернеют серебряные листья, как гаснет багровый Щит над родным посадом. Она слабела. Бездна на поляне тянула из неё последние соки, грозя обратить древесную оболочку в труху.

«Не сдюжу...» — прошелестела мысль в её гаснущем сознании. Связь с корнями истончилась до толщины паутинки. Явь выталкивала её.

И в этот самый миг, когда чёрная сфера дрогнула, готовясь пожрать поляну целиком, Древяницу ударило. Удар был не извне. Он пришёл по той самой истончившейся нити из Нави. Горячий. Багровый. Живой.

Вкус железа и соли обжёг её деревянную гортань. И голос. Сорванный, хриплый, до боли родной голос, пробившийся сквозь рёв пожирающих её Исконных.

«Пей, доченька. Пей мою кровь. Годы мои бери...»

Весея. Мать.

Дарина распахнула очи. В глубоких зелёных провалах её глазниц вспыхнул яростный, нестерпимый огонь. Она узрела, как там, у частокола Березового Бора, её седая, измученная мать полосует костяным серпом ладонь. Как алая, густая кровь щедро льётся на кору, впитываясь в разрытые корни.

Кровь матери ударила в деревянные жилы Древяницы.

Мёртвая плоть, не ведавшая людского тепла с того самого дня, как Дарина принесла клятву Мировому Древу, вдруг ожила. Под тёмной корой на её груди, там, где когда-то билось человеческое сердце, вспыхнул багровый, пульсирующий узел. Жар раскалённого кузнечного горна растёкся по ветвям-сосудам.

То была не мягкая, серебристая волшба Леса. То была ярая, звериная, жертвенная любовь матери, готовой вырвать глотку самой Смерти ради своего чада. Эта кровь несла в себе память поколений рожениц, крик над колыбелью, жар натоленной печи. Она выжгла слабость. Она отбросила тлен.

Трещины на теле Древяницы сомкнулись, залитые светящейся изнутри алой смолой. Древо на севере, напитавшись этой жертвой, вздыбило корни, сокрушая песчаных выродков. А здесь, на поляне, Дарина выпрямилась.

Она больше не была просто духом Леса. Ныне в ней текла человеческая, жертвенная кровь.

Посох с сухим стуком упал на мох. Древяница шагнула вперёд. Босые, светящиеся багрянцем ступни оторвались от земли. Она плыла над осокой, оставляя за собой густой, обжигающий жар пламени и пепла.

— Стой! — Гром дёрнулся, силясь перехватить её, но его пальцы прошли сквозь морок.

Гридень осел, тяжело дыша. Он узрел её лик. Лицо, вырезанное из липы, больше не казалось мёртвой маской. Оно дышало первобытным, пугающим гневом. Щепки отслаивались от её висков, но раны тут же затягивались алой смолой. Старый воин понял: здесь вершится суд, пред коим человеческая удаль — пыль.

Чёрная сфера ревела, пожирая свет луны. Две девочки, скованные её тягой, смотрели друг на друга остекленевшими глазами. Древяница переступила незримую границу Бездны.

Пространство вокруг неё хрустнуло, как ломаемый хребет. Чёрная пустота впиалась в её плоть, пытаясь стереть, расщепить на волокна. Кора на плечах обуглилась, вздыбилась струпами. Боль, древняя, как сам раскол миров, пронзила её до сердцевины. Но материнская кровь, кипящая в жилах, держала её. Кровь Весей кричала: «Стой! Не отдам!»

И Дарина устояла. Она встала ровно посередине. Между огнём и льдом. Между княжной, чья душа пылала родовым проклятьем и страхом, и Девой, чья суть была вечной ледяной синевой Нави.

Древяница раскинула длинные, сучковатые руки. Её голос не нарушил тишину поляны. Он разорвал сознание всех, кто там был. Он прозвучал в умах Ведаря, Грома, Горислава и замерших дев. Тяжёлый, как скрип векового дуба, и горячий, как пролитая кровь:

«Я — Мост. Ваши силы рвут твердь, ибо слепы. Отдайте их мне. Я стану камнем в стремнине. Я стану дном вашему омуту.»

Милана взирала на неё с животным, загнанным отчаянием. В её зрачках плясал пожар разорённого детинца. Вежана смотрела с безмолвным, вековым приятием — словно этот миг был высечен на скрижалях судьбы ещё до начала времён.

Древяница не просила. Она брала власть по праву той жертвы, что сейчас пульсировала в её груди. Воля Хранительницы, усиленная людской кровью, обрушилась на хаос. Она стала якорем, брошенным в пасть урагана. Железным гвоздём, вбитым в ось мироздания.

«Теперь! Не друг в друга! Сквозь меня!»

Пальцы Древяницы сомкнулись на запястьях обеих дев.

В правую её длань хлынул ревущий, раскалённый поток. Боль Миланы. Лязг железа, горькие слёзы и обжигающий жар пепелища — всё это жгло древесину, обращая её в уголь.

В левую руку ворвался стылый, серебристо-голубой шквал. Магия Вежаны. Звенящая пустота зимних чертогов, холод далёких созвездий, отрешённая мудрость нерождённых. Лёд сковывал её суставы, покрывая кору колючим инеем.

Две слепые стихии ударили в неё. Встретились они не в воздухе, где стёрли бы мир в пыль. Они сошлись в самой её сердцевине. Там, где горел багровый узел материнской крови. Дарина стала горнилом. Наковальней, на коей сошлись молот и лёд.

Она не гасила бурю. Она заставляла её переродиться. Силой своей воли, выкованной в вечном дозоре у Мирового Древа, она вплетала огонь в лёд. Как ткачиха вплетает красную нить в суровое льняное полотно. Она направляла их ярость по кругу, замыкая друг на друга, заставляя не пожирать, а кормить.

Чёрная сфера содрогнулась. Её ненасытный рост оборвался с глухим чавканьем. Размытые, жадные края дрогнули и стали наливаться плотностью. А внутри пустоты, в самом чреве небытия, зародился свет.

То был не белый свет солнца и не жёлтый свет лучины. Миллион искр — от багрового, яростного гнева до глубокого, ледяного покоя — заплясали в немыслимом хороводе. Волк и олень, пьющие из одной криницы.

Дарина держалась. Её тело трещало так громко, что у Горислава свело зубы. Ломались ключицы-ветви, кора отпадала пластами, обнажая пульсирующий свет. Капля чёрной смолы, смешанной с кровью, скатилась по её подбородку. Она осязала, как Древо на севере воет от этой перегрузки. Но отступить — значило предать мать. Предать Лес. Предать Явь.

«Держите! Дайте ему плоть!» — проревел в их умах её глас.

Три воли слились в один тугой канат. Горькая человеческая страсть Миланы. Вечная, холодная чистота Вежаны. И жертвенная, мудрая стойкость Дарины, скреплённая кровью. Троица, супротив коей ни одна Тьма не сыщет оружия.

Чёрная сфера сжалась. С оглушительным, стеклянным звоном она рухнула сама в себя. Воздух выдохнул. Лунный свет хлынул обратно на поляну, заливая пожухлую траву.

А в воздухе, там, где только что зияла пасть Бездны, повисло нечто иное.

Камень. С кулак матёрого мужика. Идеально гладкий, прозрачный, как слюда в окне княжьего терема. Но внутри него медленно, плавно клубились две стихии — алая и голубая. Они обвивали друг друга, не смешиваясь, застыв в вечной, идеальной гармонии.

От Камня не веяло ни жаром, ни стужей. От него исходил покой. Тот самый густой, несокрушимый покой, что таится в самом сердце дремучего бора. Тишина, в коей слышно, как бьется жила земли.

Слеза Равновесия.

Камень медленно, словно не имея веса, опустился на измятый мох. Тишина сомкнулась над поляной. Но теперь она была живой. Умытой. Вдали ухнула сова, ветер слабо шевельнул верхушки елей. Явь залечила рану.

Милана и Вежана рухнули на колени. Обессиленные, выпотрошенные до донышка. Их пальцы, освобождённые от тяги, упали на мох и случайно соприкоснулись. Больше не было ни искр, ни страха. Лишь пудовая усталость, что бывает после великой страды.

Но обе девы чуяли это. Внутри них, в самой сути, натянулись новые, незримые струны. Одна, тёплая и гибкая, вела от Миланы к Вежане. Вторая, крепкая, сочащаяся смолой и кровью — к Древянице.

Узел был завязан. Три столпа встали намертво.

Дарина медленно, страшно покачиваясь, опустила руки. Её древесное тело являло собой жуткое зрелище. Сквозь глубокие, обугленные трещины едва теплился зелёный свет, смешанный с тусклым багрянцем. Она повернула лик к Ведарю. Сделала один короткий, тяжёлый шаг и тяжело оперлась на поднятый с земли посох.

В её потускневших очах юноша прочёл то, что не требовало слов.

«Мост стоит. Но я должна его держать. Покуда в жилах моих течёт кровь матери.»

Ведарь, взирая на изломанную Древяницу, на камень во мху и на двух дев, тяжело поднялся с колен. Леденящий холод полз по его спине. Он, следопыт и воин, ведал: эта победа — лишь начало. Они сковали ключ. Но цена, коей придётся платить за этот хрупкий мир, выпьет из них все соки. До самой последней капли.

Воздух над поляной дрогнул и осел, словно проткнутый бычий пузырь. Незримая стена, державшая Горислава, лопнула.

Старый гридень рухнул на колени, пропахав сапогами влажный мох, но тут же вскинулся. Меч хищно свистнул, рассекая пустоту. Горислав рванулся к Милане. Он отшвырнул бы любого лешака, любую нечисть, вставшую на пути, но перед ним оказался лишь светящийся камень да две обессиленные девы.

— Княжна! — хрип старого воина сорвался.

Он упал подле девочки, грубыми, дрожащими ладонями ощупывая её плечи, ища раны. Милана с трудом подняла тяжёлые веки. Лицо её было блее бересты, губы потрескались, но в очах уже не бился тот затравленный зверек, с которым она скакала сквозь выжженную степь. Там застыла пугающая, стылая ясность.

— Я цела, Горислав. — Голосок тихий, но твёрдый, как кремень. Девочка с трудом отняла руку от мха и указала на лесных странников. — Меч в ножны. Они свои.

Гром, стоявший в пяти шагах, тяжело оперся на секиру. Старый северный волк хмуро, оценивающе буравил взглядом южного медведя. Оба — седые, исполосованные шрамами, тяжелые, закованные в кольчуги воины. Меж ними легла негласная мужская межа: кто первым опустит клинок?

Сармата, неслышно скользнув из-за спины Горислава, не стала тянуть лук. Степнячка-кочевница опустила на корточки, жадно глотая ночной воздух. Её пальцы коснулись земли.

— Твердь дышит, — коротко бросила кочевница на своём гортанном наречии. — Мёртвый песок отступил. То их рук дело. — Она кивнула на Вежану и изломанную Древяницу.

Горислав медленно, нехотя вогнал клинок в ножны. Лязг стали прозвучал в тишине громче набата.

— Гром из рода Волка, — назвался северянин, скупно рубя слова. — Сторож сей девы. А за ней — сам Иной Лес.

— Горислав, старший гридень Ратибора-князя. — Южанин тяжело поднялся, заслоняя Милану широкой спиной. — А сие — его кровь. За кою я глотку перегрызу любому духу.

— Грызть будешь иных, южанин, — подал голос Ведарь.

Юноша выступил из тени елей. Его тёмные глаза не отрывались от Камня Равновесия, лежащего меж двух ватаг. Храпок глухо рыкнул, вставая бок о бок с братом. Зверь чуял присутствие чужаков, но не рвался в бой.

Радомир, сбросивший наконец оцепенение, медленно подошёл к центру поляны. Бывший скоморох, оставивший свою трусость в чёрной жиже топей, смотрел на прозрачный кристалл с суеверным трепетом. Внутри слюдяной глади плавно, бесконечно вились две искры — алая и ледяная-голубая. Смертоносная пляска, запертая в нерушимой клетке.

Он протянул руку, силясь коснуться дива.

— Не смей.

Голос Древяницы ударил как плеть. Дарина с великим трудом разогнула спину. Её деревянная плоть, испещрённая обугленными трещинами, сочилась тёмной смолой. Багровый свет в её груди пульсировал тяжело, надсадно. Она шагнула к камню. Босые корни-ступени едва держали вес.

— То не потеха, скоморох. То — сердцевина бури. Коснётся плоть смертного — сгорит дотла, али заледенеет насмерть.

Дарина развязала грубый льняной плат, что висел на её поясе, и осторожно, не касаясь голыми сучьями, накрыла Слезу Равновесия. Свернула в тугой узел. Свечение скрылось, но тихий, ровный гул от узелка продолжал щекотать кости каждого, кто стоял рядом.

Вежана, пошатываясь, поднялась с колен. Дева-Дух выглядела так, словно из неё выпили половину сути. Она не смотрела на Грома или Ведаря. Её нездешний, потемневший взор был прикован к Милане.

Княжна, опираясь на плечо подскочившего Вадима, встала вровень. Они больше не тянулись друг к другу. Узел был завязан. Нить натянута.

— Ты звала, — прошептала Вежана. — Я слышала стук твоего страха.

— Я ведала, что ты придёшь, — ответила Милана. Губы девочки дрогнули. Юношеская маска дала трещину. — У меня никого не осталось. Мой дом сожгли. Моих людей обратили в серый прах. Мой тятя...

Голос княжны оборвался. Слезы, злые, горькие, брызнули из глаз. Она не кинулась рыдать на грудь Гориславу. Она просто стояла и плакала, глядя на лесную деву. И Вежана, не ведавшая людских слёз, медленно подняла бледную ладошку и стёрла каплю со своей щеки. Плакала одна — влагу ощущали обе.

— Он жив, — прозвенел голос Дитяти Тишины. — Твой отец. Я чую его. Там, на восходе. За солёными водами.

Милана судорожно выдохнула. Горислав вздрогнул, поражённый. То, что девочка баяла в бреду посреди степи, ныне подтвердил дух чащобы.

— Слезы опосля лить будем! — рявкнул Гром, обрывая хрупкую вязь. Воин чуял: лес меняется.

Ветерок, доселе притихший, снова потянул по низине. Но теперь он нёс не свежесть. Он нёс едкую, тошнотворную гарь. Ту самую, что гнала отряд Миланы через дикое поле.

Ведарь резко обернулся к югу. Юноша раздул ноздри. Дар ведания, обострённый до предела, резанул по мозгам.

— Всплеск, — глухо бросил он. Лицо следопыта окаменело. — Когда вы сотворили сей камень, твердь крикнула. Слепая орда не услышит. Но Хозяин... Сухокост. Он почуял. Тьма больше не ищет вслепую. Они знают, где мы.

Сармата вскинула лук, проверяя тетиву. Кочевница узрела, как на краю поляны, где ещё недавно серебрился лунный свет, начали собираться густые, противоестественные тени.

— Песок, — процедила она. — Идёт по пятам.

— Уходить надобно, — Горислав перехватил Милану, готовясь закинуть её на спину, коли ноги откажут. — На север. К родам. За дубовые клетки.

— Нет!

Древяница ударила посохом оземь. Стук вышел слабым, но в нём крылась вековая власть Леса.

— Тын вас не сбережёт, южанин. Моя мать пролила кровь, дабы поднять Щит над деревней. Он выжжет мелких выроdkов. Но коли Хозяин повернёт всю орду на селение, гонясь за сим Камнем... деревня ляжет костями. Щит лопнет, а люди обратятся в прах. Мы не понесём погибель в дома.

— Куда ж тогда? — вспыхнул Вадим, тыча сулицей в темноту. Отрока била крупная дрожь. — В чашу? На корм волкам? Нам смерть в спину дышит!

— На восход, — твёрдо, как отрубил, произнесла Милана. Княжна выпрямилась. Отстранила руку Горислава. В её глазах больше не было детских слёз. Там горел огонь её отца — упрямый, злой, не признающий поражения. — За Запретную черту. К Мёртвым Озёрам. Мой отец увёл остатки дружины туда. Степняк пред смертью баял, что там сокрыта разгадка Тьмы. И твари боятся тех мест.

Гром нахмурил кустистые брови. Посмотрел на Радомира. Скоморох лишь пожал тощими плечами.

— Мёртвые Озёра — земля дурная, — хрипнул северянин. — Туда от века ни зверь, ни человек не совался. Баяют, камни там память жрут. Сгинем без следа.

— Мы и так сгинем, дядька, — устало, но зло ответил Радомир. Бывший трус смотрел прямо. — Сзади песок, спереди лёд. Выбирай, как помирать — в драке али в прятках. А у озёр хоть шанс есть. Секрет, может, какой. Али могила покойная.

Древяница медленно кивнула. Трещины на её лице сомкнулись плотнее.

— Дева права. Камень Равновесия — ключ. Но в нём нет толку, коли не ведаешь, к какому замку его приложить. Сей замок не на севере. Он там, откуда пришла скверна. Надобно идти к истоку.

Горислав и Гром, два седых воина, чьи роды от века не пересекались, молча посмотрели друг на друга. Оба ведали: затея безумна. Второе безумнее, чем просто лечь с мечом в руках. Но они зрели дев. Две половины одного целого. Ключ, замотанный в грубый плат на поясе лесной сущности.

Северянин коротко кивнул. Южанин ответил тем же. Без клятв. Без братин с мёдом. Кровь на клинках станет их общим договором.

— Веди, следопыт, — бросил Гром Ведарю. — Тропами, где зверь не хаживал. Обходи жильё за три версты.

Ведарь закинул за спину тощий мешок с припасами. Храпок глухо тявкнул и растворился в придорожном подлеске, став невидимым дозором ватаги.

Радомир шагнул к Древянице. Лицедей не стал сыпать шутками. Он молча, с неожиданной бережностью подставил ей своё костлявое плечо. Наставница не отринула помощь. Её шаг был тяжёл, деревянная плоть стонала. Магия материнской крови, спасшая её жизнь, не была вечной.

Сармата скользнула в замыкающие, затирая следы на траве веткой сухого можжевельника.

Ватага, спаянная из двух израненных осколков, двинулась во мрак. Прочь от северных деревень. На восход. Навстречу ветрам, что пожирают память, и камням, что не ведают пощады.

А позади, на опустевшей поляне, где только что родилась Слеза Равновесия, земля начала чернеть. Жёлтая, ядовитая изморозь покрыла пожухлую траву. Длинные, искажённые тени беззвучно вытекли из чащи. Они обнюхивали примятый мох, водили безликими головами, лоя остаточный след немыслимой мощи.

Охота за ключом началась. Тьма обрела цель.

#### **Глава 4. Пыль под копытами**

Степь умирала молча.

Не было ни предсмертного воя ветров, ни грохота земных недр. Великая пустошь, испокон веку кормившая самый большой печенежский род хана Тугора, просто сдавалась, иссыхая до самого дна. Травы, ещё седмицу назад густая и жёсткая, ныне крошилась под копытами в невесомый серый прах. Ковыль не стлался под суховеем — он ломался с безжизненным хрустом.

Орда шла на север.

То был не гордый конный марш, от которого содрогается земля. То ползла извивающаяся, кровоточащая вереница выживших. Скрип разошедших осей у степных телег въедался в уши, сливаясь с плачем младенцев и надсадным кашлем стариков. В повозках, укрытых рваными войлочными кошмами, тряслись жёны и малые дети. Лошади, гордость кочевников, шли понуро. Их бока впали, обнажив рёбра, а из растрескавшихся ноздрей при каждом выдохе вырывалась серая взвесь.

Хан Тугор скакал в замыкающем дозоре.

Правитель, чьё имя ещё недавно заставляло лесных князей удваивать стражу на заставах, нынче походил на изваяние из пыли. Прочный, длинный кожаный кафтан свободного кроя, перетянутый металлическим поясом, подчеркивающим высокий статус владыки, потускнел. Лицо, широкое, скуластое, задублённое ветрами, окаменело. В узких, пронзительных глазах застыла мука человека, который видит, как его мир стирают в порошок, и не властен замахнуться саблём в ответ.

Тугор остановил своего солового жеребца на гребне пологого холма. Развернул коня на юг.

Там, в мареве, откуда они ушли, не было вражеских знамён. Не блестели пики. Оттуда ползла стена. Мутно-бурая, плотная пелена, пожирающая горизонт. Она двигалась неспешно, но с неумолимостью весеннего паводка. Там шли Сухотелые. Песчаные Исконные, вырвавшиеся из забытых глубин южных пустынь.

Хан видел, как они бьются, ещё там, у первых становищ. Видел, как его лучшие воины врубались в этот песок — и узкие, искривленные сабли вязли, а плоть обращалась в сухую шелуху. Враг не брал пленных. Враг не требовал дани. Он просто выпивал жизнь.

Рядом, поравнявшись с ханом, осадил коня Арслан — тархан, командир степных сотен, чья левая рука была туго замотана окровавленным тряпьем.

— Бурдюки пусты, повелитель, — просипел Арслан. Губы его потрескались до мяса. Слюны не осталось, чтобы сплюнуть. — Утром послал малый разъезд к Солёной Пади. Озеро высохло. До дна. На дне — серая соль да дохлая птица. Твари выпили воду прежде, чем дошли.

Тугор промолчал. Пальцы в кожаной рукавице до скрипа сжали рукоять плети.

— Сколько потеряли за ночь? — голос хана прозвучал как скрежет жерновов.

— Три десятка коней пало. Людей... два десятка стариков да малых не проснулись. Усыхают во сне. Скверна тянет соки по ветру.

Хан снова посмотрел на юг. Серая стена стала будто ближе. Она не знала усталости. Ей не нужны были ни вода, ни овёс. Открытая степь, их вечная мать и защитница, обернулась для орды гигантской, ровной могильной плитой. Здесь негде укрыться. Не за чем спрятать повозки с бабами. Бежать по гладкому ковылю от того, что само есть земля и песок — затея слепца.

Тугор медленно перевёл взгляд на север.

Там, за чередой сизых холмов, темнела зубчатая полоса. Лес. Земли лесовиков, древлян, северян. Земли тех, кого степняки веками презирали за то, что они прячутся за деревянными стенами, словно барсуки в норах. Земли, куда орда ходила лишь за добычей да полоном.

— Деревянные клетки, — тихо, почти про себя проговорил Тугор.

Арслан вздрогнул. Взглянул на хана с суеверным ужасом.

— Повелитель? Ты... ты зришь на их чащобы? Но там заставы. Лесные мужи ошестинятся стрелами прежде, чем мы крикнем слово. Да и Лес их... он же проклят.

— Лес их из дерева и корней, Арслан. А твари, что идут за нами, — из сухого песка.

— Тугор резко развернул коня, глядя прямо в воспалённые очи тархана. — В голом поле мы ляжем все. До последнего младенца. Нас сотрут в пыль, и ветер развеет память о роде Быстрой Реки.

Хан указал плетью на темнеющую кромку лесов.

— Их грады обнесены дубовым тыном. Высоким. Врытым в землю. Степняку бесчестье прятаться за стеной. Но нынче мы не воины. Нынче мы — загнанный скот. Нам нужен частокол. Нужна преграда, о которую этот мёртвый песок разобьёт зубы.

— Они не пустят нас! — глухо возразил Арслан, хватаясь за луку седла. — Они помнят наши набеги. Они пустят нам кровь у самих ворот.

— Значит, умоемся кровью. Но не сухой пылью, — отрезал Тугор. В его голосе зазвенела непреклонная сталь правителя, взявшего на себя тягчайший грех — смирить родовую гордыню ради выживания семени. — Мы не пойдём на приступ. Мы предложим им наши сабли. У них есть стены, но мало людей. У нас есть люди, но нет стен. Коли у лесных старейшин осталась хоть капля разума, они поймут: супротив сей Скверны нужно стоять плечом к плечу.

Хан приподнялся на стременах. Широкая грудь вдохнула пыльный воздух.

— Передай тарханам. Заворачиваем орду. Прямо на север. К ближайшему городищу лесовиков. Бросить всё тяжёлое. Сбросить лишнюю поклажу, шатры, медные котлы. Оставить только воду, коней и железо. Идти вдвое шибче!

Арслан прижал руку к груди, склонив голову. Он не стал спорить. Слово хана — закон, даже если оно ведёт в волчью пасть. Командир развернул коня и помчался вдоль измождённой колонны, хрипло выкрикивая приказы.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.